

ДВАДЦАТЬ лет назад мы впервые увидели артиста Валерия Золотухина в фильме «Пакет» (по рассказу Л. Пантелеева). Потом в «Бумбарахе» (по Гайдару), затем в ролях милиционера Сережкина в «Хозяине тайги», шофера в «Единственной», Моцарта в пушкинской трагедии... Из последних фильмов — Дима Громцев («Человек с аккордеоном»), Костя Мухин («Средь бела дня»).

Если присмотреться к его ролям, то удивляют разнообразие и многогранность таланта. Есть и острый, забавный рисунок, и реалистическая манера второй половины XIX века, и лубок, и гротеск 20-х годов — вплоть до акварельных красок последних лет.

И все же в большинстве ролей просматривается некое общее начало. Известно, что судьба актера — в руках режиссера, ибо за ним право выбора. Однако создается впечатление, что сам актер выбирал эти роли в соответствии со своим характером, взглядами на жизнь и даже жизненным опытом. У Золотухина почти все герои положительные. Те положительные, что не с плаката, не на показ, не «правильные», а из жизни, мечты, веры, любви и надежды.

Есть еще одно и, быть может, главное качество, которое роднит героев Золотухина, — их народность. Известно: есть народность, а есть и псевдорнародность, которая прячется за лаптями, прялками, картинками, изображающими венки да косы. Истинная же народность духовна.

Герои Золотухина следуют исконным нашим идеалам, представлениям, причем не в прямом лобовом плане, а в этой русской манере, «на-

особинку». Помните Иванушку-дурачка? Он и прост, да умен, он и рад, да со слезой, он неудачлив, да в конце награжден судьбой.

В век всеядной эстрадности в хоре голосов голос Золотухина не спутаешь ни с чьим. И поэт он не «благостный», «гладенькие» песни, а выбирает беспокойные, драматические из русских песен и вкладывает в них страсть и боль сердечную. На шукинском празднике он пел «Младсокола», про черного ворона и злого сокола, про их битву. А как звучит «Не одна во поле дороженька...» в фильме по рассказам Тургенева, как поет Яшка Турок — Золотухин! Или песня «Шумел, горел пожар московский» в телефердаче «Бородино», особенно в конце, когда показывают пустые мундиры и артист без слов ведет мелодию. Или в «Анне Снегиной» С. Есенина, или в своих авторских концертах! Сколько самозабвения, задушевности в чтеце, авторе и певце — актере Золотухине.

Иногда думаешь о ценностях человеческой жизни. Что в ней ценно? Может быть, покой, теплый уголок? Удивительно, но эти любители теплых уголков менее счастливы, чем те, кто отдаст, тратит, расходует себя беспощадно, ибо чем больше отдаешь — тем больше получаешь, потому что все компенсируется удовлетворением от сделанного, а оно-то и есть — счастье.

Жизненный путь артиста нелегок, даже тернист. Из-за костного туберкулеза школьные науки Золотухин проходил, лежа на больничной койке. Однако упорство его привело постепенно не только к осуществлению заложенных природой способностей, мечты, но к тому, что способности, талант свой он развил, углубил, сделал разносторонним (поэт, играет, читает стихи, пишет рассказы-воспоминания). Всю жизнь в одном театре — Театре на Таганке. Верен своим режиссерам, товарищам по сцене. С В. Высоцким вместе работал над фильмами «Ин-

тервенция», «Как царь Петр арапа женил», в «Единственной», в «Хозяине тайги».

В рассказе «Лемешев» писатель Золотухин (его смело можно назвать так не потому, что вышли две его книги, а потому, что у него есть свой стиль, язык, свое видение мира) пишет об искусстве: «Ответственность, требовательность старых мастеров к себе, к своему делу поразительна. Того же полного сгорания, полной отдачи самого себя своему искусству они требуют и от других и по-другому не мыслят существования человека в искусстве. Во всякой малой или большой работе для каждого свои трудности, своя подводная часть айсберга, которую необходимо обнаружить и обойти так, чтоб тебя слушали, смотрели не только сегодня, «не один раз», но хотя бы и завтра».

Вот так и он работает над повышением своего мастерства, над ролями. Тяжелый и радостный труд, и неустанный. Тут неизбежны перегрузки, стрессы. Как их снимать, эти стрессы? Как переключаться?

— В повести «Пушки привезли» писатель Юрий Вяземский рассказывает об актере, который снимает стрессы сильным душем в лицо, мягким полотенцем и слушанием музыки в наушники... Мне это не подходит. Что? Сосредоточенность. Записная книжка, точная запись всего, что планируется на завтра, послезавтра и на... месяц... Потом машина. Раньше в такси, теперь в машине расслабляешься... Ну и, конечно, книга, хорошая книга — лучшее лекарство, особенно если в ней рассказано с болью, со страстью о нашей жизни...

Продолжаем разговор с Валерием Сергеевичем.

— Вам в жизни, кажется, пришлось много раз, из-за болезней, встречаться с медсестрами, врачами. Что вы скажете о них?

— Скажу, что если бы не они, то теперь бы я тут с вами не разговаривал. В 1942 го-

ду к нам на Алтай привезли сотни больных детей. Санаторий в Чемале детский. Трудно и теперь об этом вспоминать. Что за удивительные люди были ленинградские врачи! В каких условиях жили — дома и даже бараки превращали в лечебные корпуса, а единственным транспортным средством был бык... До сих пор помню моего лечащего врача Антонину Яковлевну Сайкову, мою ежечасную надежду на выписку. Маленькая, тоненькая, в белоснежном халатике, на каблучках докает к нам в любую стужу и жару. Ей двадцать два года. Одна лечила, а потом приехали еще два специалиста... Весь санаторий жил одной дружной семьей.

— Мне кажется, что в последних ваших ролях это заложенное с детства милосердие, добро особенно ярко стали проявляться. Возьмите Диму Громцева или Костю Мухина...

— Может быть, не знаю, со стороны виднее, говорят. Однако, как мне кажется, в человеке живет вечная тоска по прощению. Он должен знать, что может быть лучше. Человек часто бывает виновен в чем-то, пусть даже в мелочах. И очень важно знать, что у тебя есть товарищ, друг или просто знакомый, перед которым ты можешь раскрыться и будешь прощен. В каком-то смысле и искусство может быть таким «существом», которое помогает освободиться от скверны, научить добру, прощению, укрепить ненависть к злу... Думаю, что Дима Громцев такой.

— А Костя Мухин? Он и мухи не обидит, а вот, поди ж ты, защищая честь жены, сына, друзей, убил хулигана.

— Да, эта роль — одна из моих любимых, там, кажется, удалось выразить что-то собственное, глубокое, — немногословно и сдержанно отвечает артист (он вообще таков.)

Многие, вероятно, читали рассказы писателя Золотухина о том, как он поступал в театральное училище. И в памяти остался этаким бесшабаш-

но-нагловатый паренек. Такой автопортрет создал артист, портрет с большой долей самоиронии. Да, усмешка, ирония в собственный адрес — одна из особенностей Золотухина. Но усмешка эта для того, чтобы скрыть внутреннюю ранимость, чувствительность, даже болезненную реакцию на всяческие каверзы. Он болеет и за товарищей, за справедливость, за общее дело. В равнодушии его никак не упрекнешь.

Отсутствие равнодушия к нашим заботам — это и есть патриотизм, гражданственность. Гражданственность чувствуется чуть не в каждой роли, в песне, в рассказах — Золотухин откровенен и прямо до предела.

Среди последних работ актера — капитан Копейкин из гоголевских «Мертвых душ», экранизацию которых осуществил на телевидении Михаил Швейцер, и главная роль в «Мизантропе» Мольера, поставленном в Театре на Таганке Анатолием Эфросом. На мой взгляд, это несомненные удаchi, о которых можно, надо писать много и подробно...

...Хочется закончить очерк строками о призвании из его книги «Печаль и смех моих крылечек» (крылечки — это и детство, это и сцена — так Золотухин сближает высокое в нашей жизни и бытовое):

«Молодой человек, я постараюсь объяснить вам, сколь трудна и ответственна наша профессия, как много молодых людей стремится приобрести ее, и удается многим, но сколь велико потом число несчастных, разочарованных, жизнь растративших зря, потому что внешний блеск, мишура, призраки скорой славы сбивают многих с толку, а не в славе, криках «браво» и прочей «бижутерии» смысл нашей профессии.

А в чем же ее смысл, этой профессии? В том, чтобы мы смотрели и задавали потом вопросы, волновались, печалились, радовались и не просто веселились, а радовались, преодолевая печаль и боль...»

А. АЛЕКСЕЕВА.